

А. А. Хадынская

Образы России и Финляндии в сборнике Веры Булич «Бурелом»

Аннотация. В статье рассматриваются образы России и Финляндии в творчестве Веры Булич, представителя финской ветви русской эмиграции первой волны. Актуальность исследования определяется возросшим в последнее время интересом к литературе русского зарубежья, финская ветвь которого до сих пор мало изучена. Новизна исследования заключается в том, что глубоких исследований по творчеству В. Булич, с анализом поэтики ее сборников и выражения в них акмеистической традиции, еще не производилось. Поэзия В. Булич отражает усвоенные ею акмеистические установки, ориентацию на неотрадиционализм и петербургскую поэтику. В сборнике «Бурелом», третьем по счету у поэтессы, особенно ярко воплотилась тема России и Финляндии в их историческом противостоянии. Образы обеих стран даны в контексте военной темы: автор дает свою поэтическую интерпретацию советско-финской и второй мировой войны, где Россия и Финляндия выступали как политические противники. В сознании лирической героини образы этих стран неразделимы, как две ее родины, равнозначные и равноценные, но она с горечью осознает свою ненужность обеим. Для Финляндии она стала «нелюбимой дочерью», по России она испытывает острую ностальгию, ставшую главной темой сборника. В «Буреломе» прослеживаются акмеистические традиции, связанные с ориентацией поэтессы на синтез слова и пластических искусств, в частности это проявляется в экфрастических пейзажах, графичности и живописности картин природы, а также сопряженной с ней музыкальности.

Ключевые слова: Вера Булич, финская эмиграция первой волны, образ России, образ Финляндии, петербургская поэтика, акмеистическая поэтика, экфрастичность.

A. A. Khadynskaya

Images of Russia and Finland in the collection of Vera Bulich "Windbreak"

Abstract. This article discusses the images of Russia and Finland, in the works of Vera Bulich, representative of the Finnish branch of the Russian emigration of the first wave. Actuality of the research is determined by the increased in recent years interest to Russian literature abroad, the Finnish branch of which is still poorly understood. The novelty of the research lies in the fact that in-depth studies on the works of V. Bulich, with the analysis of the poetics of her collections and the expression in them of Acmeist tradition, has not yet been made. Poetry of V. Bulich reflects Acmeist installations, learned by her, orientation to neo-traditionalism and to the St. Petersburg poetics. The collection "Windbreak", the third in a row from the poet, especially brightly embodied the theme of Russia and Finland in their historical confrontation. Images of both countries are given in the context of a military theme: the author gives his poetic interpretation of the Soviet-Finnish and the Second World War, where Russia and Finland acted as political opponents. In the minds of lyrical heroine images of these countries are inseparable, like two of her homeland, tantamount and equivalent, but she is bitterly aware of her uselessness to both. For Finland, she has become "the hated daughter," for Russia she is experiencing an acute nostalgia, which has become the main theme of the collection. In the "Windbreak" Acmeist traditions associated with the orientation of the poet in the synthesis of words and visual arts can be traced, in particular impacts ecphrastic landscapes, and graphic quality of paintings of nature, as well as the musicality conjugated with it.

Key words: Vera Bulich, Finnish emigration of the first wave, the image of Russia, the image of Finland, St. Petersburg poetics, poetics Acmeist, ecphrasy.

Вера Сергеевна Булич (1898–1954) принадлежит к числу поэтов-эмигрантов, оказавшихся за границей не по собственной воле: она, проживая в родительском доме

на Карельском перешейке, оказалась на территории Финляндии после закрытия границы в 1917 году. Вера Булич много лет своей жизни отдала работе в Славянском

отделе университетской библиотеки в Хельсинки, там сохранился ее архив: стихи, статьи, сказки, переводы со шведского и финского. Ее имя только сейчас начинает приходить в российскому читателю, еще нет исследований, которые бы глубоко и полно анализировали ее творческое наследие, но практически во всех работах по русскому литературному зарубежью, где упоминается поэзия финской диаспоры, отмечается принадлежность книг ее стихов к неотрадиционализму и петербургской поэтике. А. Чагин в своем обширном исследовании «Пути и лица. О русской литературе XX века» очень точно назвал эту пока еще недостаточно изученную ветвь русского литературного зарубежья «финской тропой» и, рассматривая своеобразие литературы «русской Финляндии», выявил, что при всей индивидуальности поэтического почерка разных авторов финского зарубежья у них была одна черта, которая всех объединяла, – это «ориентация на классическую традицию, обновленную открытиями символизма и опытом акмеистов, увенчанную именами Пушкина, Блока, Ахматовой, Гумилева». Далее исследователь делает вывод, что «петербургская школа русской поэзии поселилась в 1920–1930-е годы на финской земле, во многом определяя художественные поиски живших здесь поэтов-изгнанников» [1, 338].

Вера Булич была уроженкой Петербурга, ее родительская семья, как многие петербуржцы, имела дачу на Карельском перешейке, куда она ездила с детства и подолгу там жила. Финскую землю она считала своей второй родиной, и, по свидетельству Н. Башмаковой, исследовательницы из Йонэнсуу (Финляндия), «она, пожалуй, единственная [из прочих поэтов-эмигрантов – А. Х.], питала интерес к окружающей инородной культурной среде, включала ее органически в свое творчество» [2]. В ранней лирике Булич образ финской земли практически не представлен, появляется он в сборнике «Бурелом» (1947), причем большей частью в военном контексте, где Россия и Финляндия сошлись у поэта в историческом противостоянии. В объективном смысле страны были врагами, в сборнике угадываются события советско-финской войны 1939–1940 гг. (финны называли ее Зимней) и по-

следовавшей за ней второй мировой, в каждой их них накал взаимной ненависти был невероятно силен, но в сердце лирической героини нет места этой вражде, ибо это две родины нашли место в ее сердце. В этом причина особой скорби, пронизывающей сборник: героиня не желает примириться с войной, для нее, как для Л. Н. Толстого, это «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

Сама Вера Булич выросла в атмосфере утонченной культуры: ее отец, Сергей Константинович Булич, был известным музыковедом и филологом, профессором Санкт-Петербургского университета, директором знаменитых женских Бестужевских курсов, которые закончила и Вера; в их доме бывал цвет культурного Петербурга, именно в родительском доме Вера познакомилась с И. Анненским, которого боготворила всю жизнь и очень глубоко и интересно позже о нем писала. Она получила музыкальное образование, что впоследствии буквально спасло ее жизнь: в тяжелые времена она работала тапером в кинотеатре в Гельсингфорсе (Хельсинки). Русское «дачное общество» на Карельском перешейке во многом состояло как раз из таких блестящих русских семейств, глубоко укорененных в культуре и прекрасно в ней разбиравшихся. Поэтому становится понятной обращенность поэтессы к идеалам классической русской культуры, на что указывает, в частности, А. Чагин: «Поэзию Веры Булич критики часто сближали с творчеством поэтов русского Парижа с их ориентацией на опыт акмеизма, на традиции петербургской школы... русская литература в Финляндии в целом (быть может, одно из значимых исключений здесь – «Дневник Сатаны» Л. Андреева) представляла собой один из неизменных оплотов традиционализма, верности освященным веками традиционной системы нравственных ценностей, устремленности к сохранению, сбережению заветов русской классики и воспринявших эти заветы открытий Серебряного века» [1, 339].

К своей чести, Вера, эмигрантка поневоле, заняла в это непростое для России и Финляндии время очень мудрую позицию: не выбирать, на чьей стороне быть, а пропустить эту боль через себя, горевать с обеими, скорбеть о смерти воинов, павших в кровавой битве, неважно, с какой стороны. Собст-

венное сердце не разделишь, тем более что истинным победителем оказывается смерть, уравнивающая всех, и правых, и виноватых. Кроме того, скорбь поэта касалась и событий в России: родной Петербург сначала охвачен революцией, потом гражданской войной, а потом и Великой Отечественной. Петербургский воздух наполняет пространство финского сборника и сквозит в каждой строке, сердцем чувствует героиня покинутую родину, ни на минуту не забывая о ней.

В сборнике «Бурелом» исторические события показаны через призму Культуры, поэт повествует о наступлении страшной эпохи «молчания муз», и в их стоическом противостоянии оружием чувствуется гражданский пафос А. Ахматовой, чья суровая лира достойно служила отечеству в «годину горя». Вера Булич словно перенимает эту эстафету, вторя свои негромким голосом ее чеканному слову.

В первой части сборника героиня рисует довоенную Финляндию, ей посвящен микроцикл «Гельсингфорс на заре». В первом стихотворении «Стволы на газоне так четки...» (1938) автор использует принцип экфрастического описания, который потом станет основным во всем сборнике. Поэтесса апеллирует к живописным параллелям: «как по галереям картинным», «глядит на зарю с полотна»; городская улица описана взглядом художника: стволы на газоне выделяются своей графичностью, четкостью линий, перечеркнуты решеткой сада, доминирующим цветом стал розовый («розовая полоса», «розовые облака», «все явственнее розовеет»). В тексте о финской столице упоминается имя Авроры Карамзиной, что, на первый взгляд, кажется странным. На самом деле поэтесса описывает реальную улицу в Хельсинки, названную в честь Авроры Карамзиной (урожденной Шернваль), которой посвятил стихотворение Е. Баратынский (1800–1844): строки из него есть в эпиграфе: «Для кого она выводит / Солнце счастья за собой?» [3, 114].

Судьбы поэта и героини его стихов связаны с Финляндией. Там Е. Баратынский в чине унтер офицера служил в армии, а также написал прославившее его стихотворение «Финляндия» (1820), после чего его стали называть ее «певцом». Суровая страна предстала в стихотворении в смешении скандинавских и финских мифологических

традиций, помноженных на «оссианизм», что вызвало возмущение критиков, но нисколько не смутило самого поэта – для него не было существенной разницы в тонкостях изображения экзотического для русского дворянина северного края.

Аврора Карамзина (1808–1902) связана с Финляндией значительно более крепкими узами. Она родилась в Финляндии в дворянской семье шведского происхождения, в России вышла замуж сначала за мецената П. Демидова, после его смерти за А. Н. Карамзина, сына известного историка Н. М. Карамзина. По свидетельству современников, она была образованной женщиной, к тому же красавицей с добрым сердцем, но всю жизнь ее преследовала череда несчастий. Ее называли «роковой Авророй», так как один за другим уходили в мир иной дорогие ей люди: сначала жених А. А. Муханов, потом мужья, сын и невестка. Последние годы жизни Аврора провела в Финляндии, где занималась благотворительностью: основала Институт сестер милосердия в Хельсинки, пропагандировала женское образование, посещала праздники в народных школах, где жертвовала немалые средства. В благодарность финны увековечили ее имя в названии улицы.

В стихотворении Баратынского, посвященном Авроре Карамзиной, обыгрывается ее имя – римской богини утренней зари, что соотносится с названием микроцикла – «Гельсингфорс на заре», в котором темы рассвета, весны, новой жизни станут основными. Восхищение красотой северной девы перекликается с великолепием финского края из стихотворения Баратынского «Финляндия». Поэт с восторгом пишет об «отечестве Одиновых детей», приютивших певца:

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас.
Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все години неизменным! [3, 36]

Баратынский принял Финляндию в свое сердце, для него она стала страной вдохновения, и лирическая героиня Веры Булич в оценке страны солидарна с прославленным земляком, продолжая своими стихами финскую тему в русской литературе.

Собственно, Финляндии в сборнике посвящена вторая часть сборника, одноименная с его названием. Композиционно она строится как музыкальное произведение, начинаясь с импровизированной увертюры – стихотворения «У окна» (1937), которое условно может быть названо «затишье перед бурей»; тема музыки подкреплена отдельными деталями («...птица... выводит гаммы»):

Ночная птица в зарослях выводит
Короткие спадающие гаммы.

Пастельный месяц из-за клена всходит.

Мир заключен в оконный вырез рамы
[4, 87].

Музыкальное решение темы войны органично для автора (Вера Булич была профессиональной пианисткой и прекрасным знатоком музыки), оно будет поддержано в дальнейшем во всем сборнике. Далее в стихотворении появляется «канонада в Мадриде на соборе», от которой обрушивается «карниз витиеватый», и это пока еще мирное звучание содержит в себе «семя войны»: «И черная гроза готовит вскоре / Огромные громовые раскаты» [4, 87]. Контрастом служит описание тихой жизни в провинции, до которой еще не докатились «раскаты грома», там «зелень, глушь, прохлада», но есть уже «предчувствие» войны, музы начинают замолкать:

Замолкла птица, друга не найдя.

На высохших мучных дорожках сада

Вдруг зарыбили капельки дождя [4, 87].

Обращает на себя внимание подчеркнутая экфрастичность описания ночного пейзажа, лирическая героиня воспринимает реальность как изображение («Мир заключен в оконный вырез рамы»), что поддерживается палитрой («пастельный месяц», «зелень», «мучные дорожки сада») и подкрепляется кинестетическими ощущениями («высохшие дорожки»). Слуховые впечатления сопрягаются с визуальными, мир явлен для героини во всей его осязаемости и выпуклости, что вполне соотносится с акмеистическим восприятием действительности.

В следующем стихотворении наблюдается развитие темы «смертельной весны», что отсылает к мироощущению И. Анненского: «Под знаком живой новизны / Рождаются новые дети / Для нового смерча войны» [4, 87]. Стихия начинает набирать силы, это уже «смерч», катастрофа, ледоход воспринимается

не как блаженное освобождение воды ото льда, а как хирургическое вмешательство, ведущее к пролитию крови: «И лед в заливе распорот». По «путям птиц» теперь «наезживают колеи» «громоздкие обозы самолетов» (сходная огласовка со словом «гром!»), наступающая война мыслится как сбывающееся на наших глазах библейское пророчество:

И вот прорываются страсти,

Колеблются троны, венцы...

Толкуют об Екклезиасте

Пресыщенные мудрецы [4, 88].

Речь идет о советско-финской войне, но догадаться об этом можно только по дате написания – 1939–1940 гг.; для лирической героини это не имеет значения, война – это Апокалипсис, где жертвами станут все, а победителем, к великому ужасу, явится весна («Вошла победителем в город / В урочное время весна» [4, 87]).

Разразившаяся война станет основной темой следующего далее микроцикла «Суровая зима. 1939–1940». Ему предпослан эпитаф «*Inter arma silent musae*», перефразированное выражение Цицерона «*Inter arma silent leges*» («Когда гремит оружие, законы молчат»). Эпитаф приобретает буквальный смысл, так как в последующих стихотворениях тема беззвучия, глухоты поэзии (читай – жизни) будет доминировать:

Терпи, душа, глуха, темна...

Пока не кончится война,

Обречена молчанью муза [4, 89].

Исходя из цицероновской фразы-прототипа, можно понять, что законы как достижение цивилизации больше недействительны, право на звучание теперь у оружия, и поэзия беззащитна перед ним («Запуганным ребенком бродит Муза», «Муза просит жалобно отсрочки»). Лирическая героиня разделяет с Музой свою горькую судьбу. В стихотворении «Присядем, Муза, у окна...» описана классическая пушкинская тема «у камелька» («Городок» и пр.), связанная также и с рождественской традицией посиделок у камина (камин как место для развешивания носков с подарками – это уже отголосок католической традиции Финляндии, в лоне которой оказалась поэтесса). Лирическая героиня сидит у огня и размышляет о своей тяжелой судьбе эмигрантки – здесь впервые со всей остротой обозначается тема ностальгии, которая будет нарастать в дальнейшем. Принявшая всем сердцем

финскую землю Вера Булич начинает ощущать непреодолимую тоску по родине именно во время советско-финских событий, при этом принявшая ее чужая земля не воспринимается негативно, наоборот, саму себя она начинает с горечью осознавать как падчерицу, нелюбимую дочь. На это же указывает исследовательница Е. Сойни, изучая поэзию Вадима Гарднера, Ивана Савина и Веры Булич: «...русские поэты, жившие в Финляндии между двух войн, для кого Финляндия была действительно родиной, осознавали ее родной, но неласковой страной, а себя нелюбимыми детьми, пасынками» [5, 43].

С Финляндией связаны у Булич темы зимы и холода, они становятся в сборнике метафорой бездомности героини, душевного странствия-страдания («Льдинки стыннут на глазах. / Далеко с тобой от дома / Мы затеряны в снегах» [4, 91]). В сборнике много описаний чудесной финской природы, героиня любит этот край, но он стал для нее источником беды: небо угрожает огнем «стальных птиц»-бомбовозов, деревья в снежных кружевах замерли в ожидании орудийных ударов. Героиня со своей несчастной Музой ищет спасения от ледящего холода у огня в избушке глухого финского леса, но именно здесь, в чужой стране, ей особенно больно осознавать свою бесприютность, неприкаянность («Из милости в чужом углу / Мы приютились втихомолку» [4, 90]). Все чаще возникает в сборнике ностальгическая тема, финская неласковая зима рождает в памяти героини совсем другую зиму, русскую, и в рождественские дни она вспоминает праздник в родной стороне. С воспоминанием о родине в сердце рождается хоть и призрачная, но надежда:

И в синеющем квадрате,
Сквозь причудливые льды
Мы увидим на закате
Две огромные звезды [4, 91].

В этом экфрастическом описании (окно как картинная рама) синий и золотой (звезда), традиционные цвета России, своей яркостью противопоставлены финской гамме, преимущественно монохромной (черный и белый). Синий цвет финского неба в душе героини сопрягается с родной российской синью, она старается не потерять ее из памяти:

Мой синий день, мой день бездомный,
Как сберегу, как затаю

От жизни трудной, жизни темной
Живую синеву твою [4, 93].

В целом в сборник колористически достаточно скуден, значительно больше Булич интересуется противостояние света и тьмы, которое не имеет у поэтессы классического решения. Далекая милая сердцу родина порой окутывается тьмой, из-за чего трудно разглядеть ее образ в глубине памяти, облики близких стираются в сознании, превращаясь в бесплотные тени:

...Мой дом покинутый далек,
В нем тьма ютится нежилая.
Взойду ли снова на порог,
Родные тени обнимая? [4, 90]

Свет также сопряжен в сознании героини с опасностью: его излучает ослепительный финский снег, ставший для нее предвестником Апокалипсиса («апокалиптический свет»):

Мне больно, Муза, от этой
Беспомощной чистоты,
Мне страшно от яркого света
Пророческой красоты [4, 92].

Война для лирической героини олицетворяет конец времен. Свет и тьма в суровом единстве поглощают музыку поэзии, звуки лиры сменяются грохотом войны, все пространство заполняет дым, в котором уже ничего не слышно и не видно:

И в грохоте, захлебываясь дымом,
Все глубже уходя в глухую тьму,
Кто вспомнит о видении незримом,
О голосе, неслышном никому! [4, 89]

Дым становится у Булич метафорой потерянности, дезориентации в пространстве: на прежнюю родину нет возврата, новая не принимает сама. Такое же чувство испытывает лирический герой Н. Оцупа из сборника «В дыму» (1926) – первого, написанного в эмиграции; у поэта он несет в себе отголоски гражданской войны в России, тема памяти, как и у Веры Булич, становится в нем доминирующей. Тема глухоты и исчезновения музыки становится одной из главных в позднем творчестве Г. Иванова:

Музыка мне больше не нужна.
Музыка мне больше не слышна.

.....
Пусть себе, как черная волна,
Глухо рассыпается она [6, 302].

У Булич находим сходный образ оксюморонного толка: «Над мертвым холодом снегов / Звонит нетронутая лира» [4, 90].

Образ зимней войны у Булич соединяет в себе естественную смерть природы и «рукотворную», противоестественную, исходящую от человека. Первая амбивалентна по своей природе, содержит в себе зерно возрождения, своим приходом осуществляя вечный круговорот жизни. Смерть на войне всегда насильственна, она останавливает жизнь по своей прихоти, она линейна и конечна. Замеревшая в ледяном панцире природа по весне вновь наполнится жизненными соками, а смерть, принесенная человеку человеком, трагична по своей сути, ибо не дает ему возможности пройти свой круг. По представлению Данте, люди, погибшие не по своей воле, все равно оказывались в аду.

В стихотворении «Папироза «Беломорканал»» (1941) финские офицеры разглядывают фотокарточки с женскими лицами, вытащив их из одежды убитого русского политрука. В их действиях нет злорадства или агрессии, они отмечают красоту женщин, но в этом и заключается весь ужас войны: никто лично не виноват, но человека уже не вернуть, оборвалась чья-то любовь, и неизвестно, где найдет последний приют несчастный политрук. Примечательно, что одну из фотокарточек поэтесса подписала своим именем – «от невесты Веры», словно разделяя судьбу своего соотечественника на чужой земле. Самого же убитого зовут Михаилом (от древнееврейского «кто как Бог»), в православии он является покровителем ангельского воинства. Убитый ангел – вот страшная жертва войны!

Русская тема прослеживается и в стихотворении «Скатуден». В нем представлено экфрастическое описание острова, примыкающего к столице, Гельсингфорсу, и считавшегося неблагополучным портовым районом. Перед читателем открывается мрачная картина острова на военном положении:

Ночами черен и безлюден
– Собор, казармы и тюрьма,
Над ними зим военных тьма –
Угрюмый, сумрачный Скатуден.

За доком стынут трубы суден,
Пустая улица нема,
Безжизненные спят дома,

И сон из башни непробуден [4, 102].

Здесь тьма уже поглотила свет, единственным ярким пятном являются лучи дозорного прожектора, которые падают, отражен-

ные от плотных облаков, вниз на дома и заменяют собой солнце. Лучи прожекторов, двигаясь по небу, перекрещиваются («Прорвав засаду плотных туч, / С лучом скрестился в небе луч» [4, 102]). Символика креста отсылает к христианской теме, весомо представленной в сборнике. Собор, упомянутый в стихотворении, совершенно реален: на острове Скатуден 1868 году русским архитектором-петербуржцем А. М. Горностаевым был построен Успенский собор, который, после отделения Финляндии от России, до сих пор считается самым крупным православным храмом в Северной и Западной Европе. Тюрьма, упомянутая в тексте, по форме является собой крест, построена она была по образцу петербургских Крестов в середине XIX века. Для лирической героини мрачный Скатуден в памяти неразрывно связан с Петербургом. Взаимопроникновение двух топов часто встречается в сборнике, для лирической героини в ее сознании они давно соединились в причудливый образ «двойной родины», в силу того, что она не может в своем сердце разделить Финляндию и Россию, хотя оба пространства ее не принимают. В стихотворении «Бурелом» (1944), давшем название сборнику, со всей остротой обнажается трагизм положения эмигранта, не нужного ни старой, ни новой родине. Как это часто бывает у Булич, текст начинается с экфрастического описания – идиллической картинке тихой счастливой жизни, данной в номинативных выражениях:

Простая жизнь. Свой домик у воды,
Цветы и грядки в изобилие ягод,
Осенних яблонь сочные плоды

И в зимней кладовой припасы на год [4, 103].

Но это остается несбыточной мечтой: место счастья топографически не обозначено, это призрачная картинка, сродни тем интерьерным изображениям, которые часто пишутся художником не с «натуры», а по обобщенным представлениям. В этом полотне нет примет конкретного реального пейзажа, это скорее желание обрести Дом, свой угол. Но героиня понимает, что никакая земля не примет сухую ветвь, с которой она себя ассоциирует:

Мечты, мечты... Не время строить дом,
Искать благополучия земного.

Мы – сброшенный на землю бурелом,

К родным корням не прирасти нам снова [4, 104].

Принимая горькую долю «пришлеца осиротелого», героиня находит для себя единственный способ существования – христианское смирение («Сумей принять свою скупую долю»). Православная тема проявляет себя в сборнике отсылкой к праздникам; их, живя в католической стране, по-прежнему отмечает героиня (Рождество, Радуница). Вера Булич, как верующий человек, наделяет свою героиню верой в чудо. В «весенних» стихотворениях сборника, сменивших зимний микроцикл, мы опять видим прекрасные картины финской природы: она не виновата в случившемся, у героини нет обиды на нее, а есть только восхищение художника, желающего воплотить всю эту красоту в слове. И «чужая весна» (именно так у Булич назван другой сборник стихов!) неожиданно дарит чудо:

Туманы розовеют вдаль,
Сверкает солнце утреннее в росах.
Смотри, в твоей обветренной руке
Чудесным цветом расцветает посох [4, 106].

В стихотворениях 1944–1945 годов поэтесса пишет о второй мировой войне, когда сама она невольно оказалась в «тылу врага». Финляндия, присягнувшая на верность фашистской Германии, обстреливала ее родину, и сердцем она была с Петербургом, переживавшим тяжелейшие дни блокады. Патриотизм ее поэтических строк по своему накалу ничуть не меньше ахматовского, если учесть еще тяжесть ее эмигрантского положения. Тогда Вера Булич мысленно была «со своим народом» и неистово желала победы своей стране. На извечный вопрос метрополии «С кем вы, господа эмигранты?» поэтесса отвечает стихотворением «Вы и мы» (1945): она со своим Петербургом, хоть он теперь и носит другое имя, в ее памяти живы Пушкин, Летний Сад, забытый скит в северном лесу. Символом единения двух враждующих стран становятся для лирической героини звезды, что одинаково светят для всех: «...над финским озером взошла звезда. / И та же искрится над Летним Садам» [4, 106]. Поэзия, путеводная звезда в жизни Веры Булич, соединяет две родины в ее сердце:

Вы говорите: мы и вы – рубеж.
Да, между нами пролегла граница,
Но в сердце та же кровь, что в вас томится,
И нет для сердца ни границ, ни меж.

И разве может чувству быть преграда,
Любви к стране, где все мы рождены!
Мы сердцем пережили дни войны,
Бои в степях, осаду Ленинграда [4, 106].

Блокадному городу в сборнике посвящен микроцикл из трех частей, который можно отнести к прекрасным образцам петербургской лирики, – «Медаль за оборону Ленинграда». В первом стихотворении героиня молится о том, чтобы вражеская граната обошла в своем движении бесценные памятники архитектуры, просит почивших зодчих встать из могил и защитить великий город: «Вы, ставшие бессмертными в граните, / Спасите наш прекрасный, гордый Град!» [4, 109]. Второе стихотворение посвящено А. С. Пушкину, его «Пиковой даме», «Медному всаднику», а также оперным интерпретациям пушкинских сюжетов у Чайковского. Пушкинская тема продолжена в третьем стихотворении цитатой из «Медного всадника»: «Светла адмиралтейская игла»; через Пушкина проходит «веков связующая нить», и в лучших традициях отечественной гражданской лирики Вера Булич поет славу бессмертному Городу, никогда не сдававшемуся врагу.

В последних стихотворениях цикла тема ностальгии становится доминирующей. Пронзительное стихотворение «Могила» (1945) повествует о двух безвестных русских воинах, похороненных в глухом финском лесу, не «долетевших до родного края»; к их могильному кресту героиня приносит цветы и говорит про себя: «Россия победила». В стихотворении «Верность» (1946) простыми и ясными словами поэтесса говорит о чувстве родного дома, которое никогда не исчезнет из памяти эмигранта:

Память сердца – память состраданья,
Память испытаний и побед.
Много стран на свете для скитанья,
Но страны своей дорожке нет [4, 113].

В стихотворении «Эмигрант» (1944) Булич со всей глубиной выразила невообразимую степень страдания человека, навсегда оторванного от отчего дома. Эти слова можно было бы сделать эпиграфом ко всей многоликой поэзии русского рассеяния:

Страна моя живет и без меня,
А я без родины дышать не в силах [4, 107].

В сборнике Веры Булич «Бурелом» Россия и Финляндия изображены как две

страны, равно дорогие сердцу поэта. Красота финской природы, восхищающая свое первозданностью и суровостью, принимается ею как непреложная эстетическая ценность. Чуткое ухо музыканта слышит мелодию ее лесов и городской шум древнего Гельсингфорса; зоркий глаз поэта акмеистического толка в ее пейзажах видит чудные картины, выраженные в экфрастических описаниях, поэтическое дарование находит для всего этого «нужные слова в

нужном порядке», но поэт остро сознает свою отчужденность, неприкаянность, потерянность на этой земле. В этом понимании нет обиды на принявшую ее страну, но есть горечь и ностальгия, желание припасть к родному роднику, погреться у родного очага, услышать родную речь. Ее сердце исполнено горячей любви к России, ностальгия стала для поэта формой патриотизма, когда все думы о родине, даже если на нее никогда нельзя вернуться.

Литература

1. Чагин, А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века [Текст] / А. И. Чагин. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – 600 с.
2. Башмакова, Н. «Мы говорим на разных языках» [Текст] / Н. Башмакова // *Slavica Helsingiensia* 11. *Studia. Russia Helsingiensia et tartuensia III*. Helsinki. 1992. S. 171–173 ; Цит. по статье: Сойни, Е. Г. Образная параллель «Россия – Финляндия» в русской эмигрантской литературе Финляндии 1920–1940-х годов [Текст] / Е. Г. Сойни // *Труды Карельского научного центра РАН*. – 2011. – № 6. – С. 37–44.
3. Баратынский, Е. А. Стихотворения и поэмы [Текст] / Е. А. Баратынский. – М. : Художественная литература, 1982. – 399 с.
4. Булич, В. Чужая весна [Электронный ресурс] / В. Булич. – М. : Мнемозина, 2011. – Режим доступа : <http://www.general-ebooks.com/book/86173510-чужая-весна> (дата обращения 06.05.2016).
5. Сойни, Е. Г. Образная параллель «Россия – Финляндия» в русской эмигрантской литературе 1920–1930-х годов [Текст] / Е. Г. Сойни // *Труды Карельского научного центра РАН*. – 2011. – № 6. – С. 37–44.
6. Иванов, Г. В. Собрание сочинений : в 3-х т. [Текст] / Г. В. Иванов. – М. : Согласие, 1994. – Т. 1. – 656 с.

References

1. Chagin A. I. *Puti i lica. O russkoy literature XX veka* [Paths and faces. About Russian literature of the twentieth century]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2008. 600 p.
2. Bashmakova N. «*My govorim na raznyh yazykah*» [«We speak in different languages»]. *Slavica Helsingiensia* 11. *Studia. Russia Helsingiensia et tartuensia III*. Helsinki: 1992. S. 171–173. *Cit. po stat'e E. G. Soyni «Obraznaya parallel' «Rossija – Finljandija» v russkoj jemigrantskoj literature Finljandii 1920–1940-h godov»* [Cited from E. G. Soyni «Imaginative parallel «Russia – Finland» in Russian emigre literature in Finland 1920-1940s»]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Works of Karelian Research Centre of RAS], 2011, no. 6, pp. 37-44.
3. Baratynskiy E. A. *Stihotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1982. 399 p.
4. Bulich V. *Chuzhaya vesna* [Strange spring]. Moscow: Mnemozina Publ., 2011. (In Russ.) Available at: <http://www.general-ebooks.com/book/86173510-chuzhaya-vesna> (accessed May 06, 2016).
5. Soyni E. G. *Obraznaya parallel' «Rossija – Finlyandiya» v russkoj emigrantskoj literature Finlyandii 1920–1940-h godov* [Imaginative parallel «Russia – Finland» in Russian emigre literature in Finland 1920-1940s»]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Works of Karelian Research Centre of RAS], 2011, no 6. pp. 37-44.
6. Ivanov G. V. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. G. V. Ivanov: soch. v 3-h t. [G. V. Ivanov: collected works in 3 Volumes]. Moscow: Soglasie Publ., 1994. Vol.1. 656 p.